

Валентина Богданова

ЛОТОС

Глава первая

Она шла по аллее тёплым апрельским днём, размахивая портфелем и припустив с плеч школьный фартук. Девочка лет пятнадцати, невысокого роста и такого сложения, словно в ней смешалось две совершенно разные породы — одна коренастая, другая — изящная. Лицо также выделялось разнородностью: резкое очертание скул, слишком чёрные, нахмуренные брови и удивительно мягкое, капризное выражение губ. Пышные светлые волосы не были заплетены, как того требовал школьный этикет. Из под длинной чёлки сверкали голубые глаза. Они смотрели куда — то за пределы зримого, отчего вид девочки был слегка отсутствующий. Встречные прохожие посматривали на неё, ибо в разгар учебного дня не позволялось покидать территорию интерната. Но Кира, так звали нашу героиню, не обращала на них внимания, занятая своими мыслям.

О чём думала она? Могла ли ответить в эту пору своей жизни девочка, почти девушка, что за непривычное ощущение поселилось в её сердце? И

возможно ли управлять теми чувствами, что возникали у неё при виде их нового учителя? Он вёл у них в классе совершенно новый предмет — военное дело. Не понятно, конечно, зачем девочкам строевая подготовка, но необходимая военная форма приводила всех в восторг. И сейчас Киру отпустили с урока именно из-за формы. Не нашлось маленького размера для неё, поэтому пришлось обратиться в ателье индивидуального пошива.

Кира стояла перед зеркалом в примерочной и любовалась собой. Короткая юбочка цвета хаки и такого же цвета рубашка навыпуск. Дома ещё оставались ремень и пилотка. На следующем уроке военного дела она сразит его своей красотой.

Но Киру ожидало сильное разочарование. Сергей Иванович поручил провести переключку Светке, и теперь все поднимались и отдавали той честь. Кира специально репетировала перед зеркалом, как сделать это по — красивее. И вот... Ненависть к этой толстоватой, а от этого взросло выглядевшей Светке, обуревала Киру. Сразу же после переключки Сергей Иванович перешёл к теме урока. Кира слушала его, замерев, и честно старалась понять, но ей это не удавалось. Почему он не смотрит на неё? А если и взглянет, то будто и не видит? Что заставляет его вдруг, в середине какого ни будь предложения замолкнуть, а затем продолжить говорить совсем о другом? И, главное,

о чём думает он в те редкие мгновенья, когда ей удаётся поймать его взгляд? Кире казалось, что думает он о ней и это делало её счастливой.

Уроки закончились. На улице только что прошёл дождь. Пахло набухшими тополиными почками и промокшей землёй. Кира шла медленно. Спальный корпус находился рядом с учебным, и ей хватало времени переодеться к обеду. Практически — это обычное общежитие, где проживали дети из посёлков, в которых отсутствовали школы. Лишь строгий режим и порядок напоминали интернат. Кира проживала в комнате для двоих. Соседку ей подселили недавно и они ещё не успели подружиться. Но Кира особо не переживала. Она, как и большинство влюблённых, предпочитала уединяться и помечтать. А ещё она вела дневник, и сейчас решила поделиться с ним своими переживаниями. А за окном пели птицы, падали с ольхи серёжки. Заканчивался апрель.

Глава вторая

В школе существовала традиция — в конце каждого месяца поздравлять именинников. В апреле Кира попадала в их список. Ей исполнялось шестнадцать. Кто в этом возрасте, стоя у зеркала остаётся доволен своей внешностью? Кира придирчиво рассматривала себя и думала о

предстоящем вечере. Совсем недавно родители купили ей новые туфельки. Чёрные, лакированные, с красивой пряжкой. Их перемеряли все Кирины подружки, с завистью вздыхая: «Дорогушие, небось...» И от этих вздохов у Киры пропало желание просить у родителей к туфелькам ещё и платье. Кира безнадежно рассматривала свой гардероб, когда вошла соседка по комнате. Эта молчаливая, скрытная девочка, неожиданно и очень тактично предложила Кире своё платье.

Никогда ещё Кира не выглядела такой прелестной, такой по взрослому, элегантной. Маленькое жёлтое платьице, украшенное чёрной вышивкой, лакированные чёрные туфельки, светлые локоны волос. Атакующие взгляды окружающих доставляли Кире удовольствие. Она не торопилась занять своё место именинницы, а остановилась у входа. Актный зал украсили шарами и плакатами. Ребята из школьного ансамбля заканчивали настраивать аппаратуру. На сцене, среди них Кира увидела Сергея Ивановича. В джинсах и модной рубашке он выглядел совсем мальчишкой. Глаза его сверкали, он весело переговаривался с ребятами, затем наклонился к микрофону: «Внимание! Прошу всех занять свои места». Лицо его стало серьёзным, взгляд быстро и строго скользил по залу, успокаивая школьников. Вдруг он испустил вздох, замер с открытым ртом,

словно всякая способность к движению и мысли у него была похищена: «Ух ты! Что это? Уж не волшебство ли? Гадкий утёнок вдруг так преобразился!» Две-три секунды замешательства, и вот надежда подарена. Кира поймала этот взгляд. И влюблённая девочка замерла от благоговения и страха перед мечтой, тайной, сказкой ...

Торжественная часть закончилась, начались танцы. Молодой девушке извинительно, если её волнуют комплименты, взгляды парней. Много музыки, ощущение, что ты выделяешься из толпы, что и он обратил внимание — всё это опьяняло Киру. Подошли старшеклассники, и танцующих стало на много больше. Сергей Иванович совсем забыл, что нужно следить за порядком. Он смотрел только на Киру. Его глаза не отрывались от неё ни на минуту. Он видел, что мальчик — гитарист не отходит от неё, что она даже танцевала с ним дважды. Видел, как и с другими, она танцевала. Не понятное чувство как будто зажало его в тиски. Грань между недозволенным и разрешённым рассыпалась, разлетелась в щепки. Он и раньше замечал за собой, что эта девочка излишне волнует его. Но теперь ему казалось, если он не прикоснётся к ней, не заговорит с ней прямо сейчас — он умрёт. И он направился к ней, через весь зал, непростительно дрожа от переполнявших его чувств. И, словно в помощь ему, объявили

следующий танец. Сергей Иванович, а впрочем, просто Сергей, ведь годами он был не на много старше своих учеников, не ожидал от Киры никаких поступков. Он ничего не хотел, только прикоснуться и заглянуть в её глаза.

Кира робко положила свои руки ему на плечи. Она едва доставала его подбородка. Сергей наклонился, и её волосы коснулись его шеи. Аромат их, волнующий, сладкий, окутал, приводя его тело в ещё больший трепет. Кира подняла лицо. Что же это? Уж не волшебство ли? В её глазах читалось удивление и восторг.

Музыка смолкла. Пары стали расходиться. Сергей снова стал Сергеем Ивановичем, а Кира — ученицей. Но грань между недозволенным и разрешённым стала тоньше, почти разорвалась от минутного благоговения двух сердец.

Кира выскочила в коридор. Она всё ещё пребывала в непонятном трансе. В ушах звенела музыка, сердце у неё ощутительно сжалось, а душу распирало от счастья. Голова кружилась...

Никогда ещё Кира не стыдилась так своей слабости. Упасть в обморок! Какой ужас! Что подумает о ней Сергей Иванович!? Кира вдруг вспомнила его виноватый, страдальческий взгляд. Как будто вовсе не он минуты назад подарил ей величайшее блаженство, танцуя с нею!

«Девочка растёт, переутомилась с утра, только

и всего». Медсестра проводила Киру в её комнату и дала таблетку, от которой Кира чувствовала себя сейчас странно, как-то осоловело, словно навеки ушло желание шевелиться. Вот так бы лежать всегда, любоваться лунным светом за окном, слушать доносящуюся в комнату музыку, всё ещё чувствовать тепло его руки на своей талии. Её мысли перешли в сонные грёзы. Кира уснула.

Хлопнула дверь. Это ушла на завтрак её соседка. Кира села в постели. Ей не терпелось поделиться вчерашними впечатлениями со своим верным другом — дневником. Кира потянулась за ним и увидела на тумбочке конверт. Открывая его, Кира даже не подозревала, сколько сюрпризов ждёт её вместе с театральным билетом, вложенным в конверт. Это был традиционный подарок на день рождения от коллектива школы. Счастливая Кира прижала билет к губам и мечтательно закрыла глаза...

В школьном автобусе Кира не видела Сергея Ивановича, но она точно знала, что билет у него есть. В театре её глаза блуждали по залу, умоляя высшие силы помочь ей. И вот она увидела, как он вошёл, и, остановившись, оглядывал зал, словно искал кого-то. В вечернем костюме он выглядел ещё красивей. Когда он сел, Кира могла видеть только его профиль. Рассеяно слушая оперу, она спрашивала себя: «Обернётся он, если пристально

посмотреть на него?» И он оглянулся. Они обменялись взглядами. Кира почувствовала, что ему нравится на неё смотреть. Она покраснела, испытывая редкую и приятную уверенность, что она красива!

Автобус остановился возле интерната. До спального корпуса протягивалась длинная тополиная аллея. Раньше Кире не приходилось видеть школьный двор поздней ночью. От этой мёртвой тишины и темноты стало не по себе. Кира шла медленно, прислушиваясь ко всем звукам.

— Кира, стой! Ты в интернат идёшь? — Сергей Иванович неожиданно вынырнул из темноты.

Кира растерялась и обрадовалась одновременно.

— Да, Сергей Иванович! Домой ведь уже не добраться.

— Но интернат ведь закрывается на выходные?

— А я предусмотрела, — улыбнулась Кира, — окно оставила открытым изнутри.

Сергей Иванович покачал головой: «Пойдём, я тебя провожу».

Они медленно пошли вдоль аллеи. Взошла луна и осветила двор. Стояла такая тишина, словно весь мир замер. Сергей почувствовал смущение Киры и заговорил об опере. Мукой было заставлять

свой голос звучать спокойно. Он ведь специально дожидался её. А до этого, специально не поехал вместе со всеми на школьном автобусе. Он боялся, что то, в чём он сам себе боится признаться, заметят другие. Он влюбился в ученицу! Нарушил все законы морали! Эта любовь, как горькая отравка, разъедала его. Но не мог он совладать с собой. Не мог удержаться от соблазна побыть с ней наедине!

Подул ветерок, принёс запах сирени. Кира остановилась: «Люблю сирень. А вы?» Сергей наклонился, заглянул ей в глаза. «Удивительно, как в жизни может быть такая красота, что сердце щемит от восторга!» — подумал он, а в слух сказал: «Да! Люблю».

Они подошли к зданию интерната. Окно в комнату, где проживала Кира, располагалось очень высоко.

— Я сам влезу, а затем тебя подниму.

Через минуту Сергей Иванович уже был в комнате. Он распахнул окно настежь и протянул Кире руку. Сделав усилие, Кира подтянулась, взобралась на подоконник, и через мгновение Сергей поймал её в свои объятия. Замерев, они стояли посреди комнаты. В потоке лунного света волосы Киры переливались. Глаза её, широко распахнутые, казались очень чёрными. Они излучали любовь и восхищение.

— Какая ты красивая, — сказал тихо, почти

шёпотом, Сергей. Затем наклонился и нежно притронулся губами к её лбу.

Кира закрыла глаза. У неё закружилась голова от счастья. Сергей ласково провёл рукой по её волосам, словно прощался, замер на секунду, и, легонько оттолкнув Киру, перескочил через подоконник.

В счастливом оцепенении Кира медленно закрыла окно. Луна поднялась ещё выше, осветила комнату фантастическим, серебристым светом. Тёмной оставалась лишь часть кровати. Кира взобралась на неё с ногами, уселась на деревянную спинку, подпёрла кулаком подбородок и устремила свой взгляд в окно. Туда ушёл Сергей, а вместе с ним и тепло, что ощутила она от его присутствия. Миг счастья так неожиданно накатился, и так же вдруг исчез. И так сложно всё осознать...

* * *

Сергей шёл быстрым шагом, словно убегал от тех чувств, что испытал минуту назад. Пусть они остаются там, в той тёмной комнатке интерната. Он не смеет разрушать барьер законности. Кира его ученица и совсем ещё ребёнок. Если не держаться за эту спасительную мысль, то он совсем потеряет голову. Он знал, что начини он думать и его станет разрывать на части, тянуть в разные стороны между

разумом и страстью. Хорошо, что завтра начинаются каникулы, возможно эта вынужденная разлука остудит его.

Глава третья

Каникулы Кира проводила дома. В конце улицы цвёл грушевый сад и аромат его, терпкий и сладкий, разносился по всей округе. Кира уходила туда, садилась на ветку старой груши и мечтала. В неведении юности кажется, что жизнь справедлива и добра, а зло случается с кем-то другим и тебя оно никогда не коснётся. А если и коснётся, то лишь смутит лёгкими переживаниями, лишь оставит маленькую царапинку на сердце...

А после каникул в её жизнь пришло переживание, отвратительное, разрушающее все иллюзии. На первом же уроке её вызвали к директору. Директриса, всегда с неизменным выражением лица, славилась своей бесцеремонностью, и ученики её побаивались. И сейчас, остановившись у двери кабинета, Кира прокручивала в памяти все последние дни учёбы. И не находила причины вызова. Наконец Кира набралась храбрости, и постучала в дверь. По каменному выражению лица директрисы и по тому, как подёргивались уголки её губ, Кира поняла — случилось нечто-то ужасное.

Причиной оказалась встреча Киры и Сергея Ивановича после театра. Ощущение неловкости и стыда охватило девочку от вопросов директрисы. Кира ощущала себя так, словно всё её тело искололи шипами. В полуобморочном состоянии она продолжала слушать директрису. Наконец, та, выбившись из сил, опустилась в кресло и зашипела, словно проколотый воздушный шарик: «Жду твоих родителей. А теперь ступай в класс».

Но Кира не пошла на уроки. Она чувствовала себя грязной. Всё вокруг казалось грязным. И школьный коридор, и огромные блестящие окна. Кира вышла на улицу и направилась в общежитие. Собирая свои вещи, всё ещё растерянная, она не могла понять, что плохого в том, что она любит Сергея? А как же книги о любви? Стихи? И почему директриса обозвала её «дрянью»? Ведь они с Сергеем Ивановичем не сделали ничего плохого? И как она всё это объяснит родителям?

К радости девочки, родители её выслушали спокойно и позволили несколько дней не посещать школу. Дома Кира долго лежала без сна, и в уме её складывалась картины последних событий. Она начинала понимать, хоть и не до конца ещё, что это значит-быть взрослой.

Сергей Иванович вот уже неделю жил в гостинице. Он больше не преподавал в школе, и только что получил из военкомата новое

назначение. Сергея вовсе не терзало, что он приобрёл себе плохую репутацию этим «случаем, выходящим за пределы общепринятого «хорошего тона» и представлений о порядочности офицера». Сергей сейчас думал о Кире, о том, что чувствует эта девочка, после всей грязи, вылившейся на неё. Он корил себя за то, что не смог достойно её защитить. А ещё за то, что вторгся в её жизнь. И боялся разлуки с ней, ибо по-прежнему любил. Перед его глазами снова всплыл тот вечер в школе, где она кружилась в танце среди всеобщего восторга. Она, точно цветок, распускается в своей молодости и блистательной красоте. И он не смеет сломать этот цветок.

Время тянулось невозможно медленно. Уже стемнело. Сергей не зажигал свет. Он продолжал лежать на кровати погружённый в свои переживания. Пел соловей за открытым настежь окном. Щека ощущала неподвижный воздух летнего вечера. За эти дни разлуки с Кирой Сергей порывался раз сто к ней поехать. И каждый раз запрещал себе это делать. Но сейчас он не выдержал и вопреки всем запретам совести решил поехать. Чтобы только пройти мимо её дома, только почувствовать себя рядом с нею, быть может мельком увидеть её издалека. Последний раз. Сергей сел на мотоцикл и через несколько минут уже стоял напротив её окон... На улице стояла

темень, лишь в веранде, где сидела Кира горел свет. Из распахнутой двери Сергей слышал стук швейной машины. Вот Кира закончила строчить, поднялась и сняла с себя платье. Сергей увидел её полуобнажённое тело и стал оглядываться по сторонам. Он не хотел, чтобы ещё кто-то увидел её раздетой. Когда взгляд его вернулся к веранде, Киры там уже не было. Вероятно, она ушла в дом к зеркалу. От прилива чувств Сергея знобило. «Он уедет, а она останется жить здесь, в этом доме. Возможно, скоро забудет его и подарит свою любовь какому- ни будь юноше... А у него судьба отнимает эту любовь, уносит его подальше от этого дома, как жгучий ветер срывает листок». Сергей сел на мотоцикл и уже хотел его заводить, как вдруг увидел Киру. Она вышла из веранды и направилась к калитке. Сергей замер, устремив свой взгляд туда, в темноту.

Двое стояли напротив друг друга, смотрели сквозь темноту. Они не видели глазами. Но видели влюблёнными сердцами.

За спиной у Сергея в доме вдруг зажегся свет, и металл мотоцикла заблестел. Кира заметила это и вышла за калитку. Она направила взгляд в сторону Сергея. Она не могла его видеть, но Сергею казалось, что она смотрит ему прямо в глаза. «Нет, Кира, нет! Я слишком люблю тебя!» Сергей завёл мотоцикл и рванул с места.

Кира замерла у калитки. Она поняла, кто это был. И осознала, почему закончилось всё именно так. Девочка вдруг стала взрослой. И мир стал разноцветным. И розового в нём осталось ничтожно мало.

Лотос

Как объяснить
слепому,
Слепому, как ночь, с
рожденья,
Буйство весенних
красок,
Радуги наважденье?
Как объяснить
глухому,
С рожденья, как
ночь, глухому,
Нежность
виолончели,
Или угрозу грома?
Как объяснить
бедняге,
Рождённому с
рыбьей кровью,
Тайну земного чуда,

Названного
любовью!

Юлия Друнина.

Часть первая

Глава первая. Она

Солнце садилось, и природа словно замерла в ожидании чуда. Уже не день, и ещё не ночь — сумерки. Её любимое время суток. Море притихло, словно покорилося горам, возвышающимся над ним. В окно автобуса врвался тёплый ветер и приятно ласкал её лицо. Внизу, в долине, показался городок. Там она родилась и выросла, там жили её отец и мать, там живут её друзья. «Обожаю это место, ни за что и никогда отсюда не уеду, разве что Он попросит». При мысли о нём волна нежности и тепла охватила её, а затем волна грусти и сомнения: «Любит ли он меня? Догадывается ли, что сердце моё наполнено любовью к нему? Что вот-вот эти чувства выльются через край?» Вон даже радио у водителя запело: «Нелюбимая, нелюбимая...» «Нет! Неправда! Я видела его глаза! Они лучатся светом, а голос его меняется при разговоре со мной». «Нелюбимая, нелюбимая. Слово горькое, сердцу гордому, как на память

подарил...» — продолжало петь радио. «Да!?» — спорила Она с песней. А вот завтра всё и выяснится. Ведь не зря же судьба подарила ей возможность провести с ним целый день. И Она не упустит шанс сказать ему, какой он хороший, и как сильно она его любит.

За окном автобуса мелькал знакомый пейзаж, тихо переговаривались пассажиры, шелестел ветер из открытого окна... А мысли её витали уже далеко-далеко и песня о нелюбимой девушке больше не тревожила её. Другое чувство, поселившееся в её душе в последние дни, было намного сильнее, ярче, трепетнее. Это — блаженство влюблённости.

Глава вторая. Он и Она

Солнце разбудило землю. Солнце разбудило городок. Солнце разбудило её. Выскользнув из постели, Она подбежала к окну, распахнула его — синева небес, перистая хвоя лиственниц, очертания гор — всё казалось для неё сейчас прекрасней, чем вчера. Потому что сегодня особенный день - она объяснится с ним и в ответ услышит «да». Она не сомневалась в этом. Его глаза уже давно всё ей сказали. А это выражение на его лице?! Словно он забыл обо всём на свете, кроме неё.

Обычно такая скорая, почти небрежная, в это

утро Она провела довольно много времени у своего любимого зеркала. Кожа её загорела, и загар выигрышно оттенял её глаза с длинными загнутыми ресницами, такие прозрачно-карие, точно кусочки янтаря. И светлые волосы с неожиданными проблесками пламени. В своём любимом светлом платье и туфлях на высоком каблуке она выглядела очень элегантно.

Через полчаса Она уже собирала нужные бумаги в офисе, болтала с коллегами, делая вид, что волнуется от предстоящего разговора с шефом. На самом же деле Она волновалась от встречи с Ним. Его также вызывали в центральный офис, и ехать им предстоит вместе. Два часа пути вдвоём. Он за рулём, она рядом. Всю дорогу она может смотреть на него, разговаривать с ним, дышать с ним одним воздухом... Ей казалось, что прошла целая вечность, пока, наконец-то, подъехала машина. Все волнения вдруг покинули её. На душе стало легко и всё, кроме него, вдруг перестало существовать. Пришло время ехать. Весело сбежав по ступенькам, Она села в машину.

— Привет, — сказала Она и посмотрела на него. Его глаза — тёмно-серые, освещённые изнутри и осенённые чёрными ресницами, улыбались ей.

— Привет, — ответил Он.

Эта улыбка, зажёгшая лицо его удивительным

светом, совершенно смутила её. «Поехали», — прошептала Она. Он обхватил руль руками, и машина тронулась с места. Как замороженная смотрела Она на его руки: «Когда же эти руки обнимут меня?» Сердце её, любящее, отчаянное, не ведающее преград, так сильно стучало, что, казалось, слышал весь мир. Этот накал любви передался и ему. Кровь прихлынула к его щекам, и голова закружилась — его точно магнитом тянуло к ней. Они оба молчали и думали друг о друге. И вдруг её рука оказалась в его руке, её пальцы сплелись с его пальцами.

«Я люблю тебя!» — Вот так просто Она взяла и призналась ему в любви. Очень тихо и совершенно искренне.

Машина резко остановилась. Охваченный беспредельным смятением, Он и сам не сумел бы сказать — где так стучит кровь? В её или в его сердце? Мгновенье они сидели замерев и глядя друг на друга. Затем буквально впились друг в друга, будто боялись, что их разлучат. Обнимаясь и шепча друг другу нежные слова, они совершенно забыли о времени.

Что это произошло с ними? Всё стало другим вокруг, совсем не таким, каким было с утра. Мир словно переродился. Грудь их теснило неведомое чувство, сладостное и тревожное. Этот вулкан разрывал их сердца сладким ароматом, имя

которому — ЛЮБОВЬ!

Глава третья. Разлука

С небес на землю их вернул телефонный звонок из центрального офиса, где их ждали ещё час назад. Машина мчалась как ветер. Её рука лежала у него на плече, лица их светились от счастья, и, казалось, нет в мире силы, способной их омрачить. Пройдёт совсем немного времени — и самый счастливый день их жизни окрасится в чёрный цвет и станет началом долгих мучительных минут, часов, дней, недель, лет...

В любви не бывает чуточки и остановок на полпути, а её любовь оборвалась в самом начале. Её жизнь разделилась на две половины. Первая — это та, где ОН есть. Вторая - где Его уже нет. Границами между этими половинами оказался день, который вместил в себя и безумное счастье любви, и страшную боль утраты.

Тысячи раз Она воскрешала в памяти их объятия, его глаза, его прикосновения; то, как они оба огорчились, узнав по приезду в офис, что им сейчас же придётся расстаться. В тайге на испытании потерпел крушение самолёт их компании, и для выяснения обстоятельств Ему необходимо вылетать прямо сейчас... Она упрямо просила взять её с собой, а Он лишь смотрел на неё

шальными от страсти глазами и улыбался. Она крутила в руках полевой цветочек, сорванный во время их остановки, слёзы катились у неё по щекам.

— Не плачь, я очень-очень скоро вернусь.

Он взял её руку, поцеловал солёные от слёз ладошки, затем достал из кармана авторучку и прямо на её ладони написал — л.о.т.о.с.

— Что это значит? И почему после каждой буквы точки? — спросила Она. — А ты подумай, а когда я вернусь, ты мне расскажешь, хорошо?

— Хорошо! А ты возьми этот цветок, пусть он напоминает тебе обо мне.

— Жди меня. Я очень скоро вернусь, любимая...

... Но он не вернулся. Сначала Она считала часы, затем дни, затем недели... Спасательные бригады возвращались одна за другой и один и тот же их ответ убивал в ней надежду. Поиски безрезультатны! Её убеждали, что команда погибла, но Она не верила в то, во что поверили все вокруг. Она металась от одной организации к другой, умоляя о помощи, но везде получала отказ - продолжать поиски бессмысленно. Снова и снова её убеждали, что Его больше нет! Для неё, любящей каждой частицей своего сердца, вынести это не имело ни какой возможности. Всё существо её охватила растерянность и безысходность. Жить день за днём, зная, что возможно она его никогда

больше не увидит — стало выше её сил. И Она перестала есть, пить, спать, жить...

Глава четвёртая. Клятва

На резком восточном ветру её лицо выглядело маленьким, осунувшимся, озябшим. Глаза, и без того большие, ещё шире раскрылись от худобы. И не исходила из них больше та колдовская сила, лишь боль и тоска наполняли их.

Она возвращалась из больницы, где доктора её долго и безуспешно лечили, а теперь, обессилив, отправили домой умирать. В ушах до сих пор стояли их неловкие слова: «Вы должны быть сильной, терпеливой, надеяться...» и прочие утешительные слова.

Водитель поехал какими-то объездными путями. Она, устав от дороги, попросила его остановиться и вышла из машины. Кружилась голова. Она присела на срубленное дерево, стала рассматривать разрушенную церквушку неподалёку. «Вот так и жизнь моя разрушена без Него. Церквушку хоть можно восстановить, а вот мою жизнь, уходящую так быстро, как удержать?»

Закрыв лицо руками, Она прошептала: «Ах, если бы случилось чудо, и стала бы я здоровой, а мой любимый оказался бы жив. Какое это было бы счастье, Господи!»

Вдруг она услышала слабое шарканье подошв по траве и голос тихий, старческий: «Всё это исполнится, но церковь эту ты восстановишь и назовёшь её именем преподобного Германа Аляскинского. Обещаешь?»

— Обещаю, — ответила Она, удивлённо оглядываясь по сторонам. К ней приближалась старуха, одетая, как монахиня, с палкой и котомкой в руках. «На какой-то картине я такую же видела», — промелькнуло у неё в голове.

— Так обещаешь? — переспросила приблизившись старуха. И, убедившись в утвердительном ответе, продолжила: «Да услышит Господь слова твои, раба божья?..» Старушечьи глаза впились в Её лицо.

— Лизой меня зовут, — прошептала Она.

— ... раба божья Елизавета, — закончила старуха и ушла также незаметно, как и появилась.

Часть вторая

Глава первая. Лиза

Всю дорогу домой Лиза не могла прийти в себя: «Откуда взялась эта монашка? Она что, прочла мои мысли?» Но самое поразительное то, что церковь старушка велела назвать именем

Герман. Это же имя того, кого больше всего на свете Лиза любила! Которого, не успев найти, потеряла. Преподобный Герман Аляскинский... Лиза не знала такого святого. «Завтра же всё выясню». Впервые за столько месяцев Лиза забыла о своей болезни и уснула прямо в дороге. Проснулась лишь, когда машина подъехала к её дому.

Лиза вошла во двор и остановилась. Только сейчас она поняла, как соскучилась по дому. Яркие красные, розовые и белые пионы соперничали своей пышностью и красотой. Под окнами цвела сирень. В воздухе стоял такой аромат, что у Лизы закружилась голова. «Господи, как прекрасно жить!» Лиза поймала себя на мысли, что впервые, после случившегося, она подумала о жизни с положительным настроем.

Из парадной двери дома вышла домработница. Эта, уже пожилая женщина, помогала по хозяйству ещё Лизиной маме. И, когда, три года назад, родители Лизы погибли, она не оставила «бедную девочку». Так и жили они вдвоём в огромном доме, стоявшем на отшибе.

Домработница обняла Лизу, всплакнула и повела в дом. Лиза очень устала, поэтому сразу поднялась к себе в спальню. Она остановилась посередине комнаты, обвела её взглядом, затем подошла к своему любимому зеркалу. Перед ней

стояла девушка, в которой она себя не узнавала — похудевшая, осунувшаяся, с болезненным цветом лица и потускневшим взглядом. «Нет, это не я! — возмутилась Лиза. — Я не могу себе позволить умереть! Мне нужно найти Германа, и восстановить церковь. Ты, худышка! — Лиза ткнула пальцем в своё отражение в зеркале. — Вот увидишь, я сделаю всё, что задумала, и в восстановленной церкви мы с Германом, оба молодые и красивые, обвенчаемся».

Глава вторая. Выздоровление

Шло время. Сначала оно тянулось медленно и тяжело. Но постепенно мрачные краски уходили из жизни Лизы. Она прочла кучу литературы о святых. Оказывается, преподобный Герман жил на Аляске, от того его и называли Аляскинским. Лиза так увлечённо занялась изучением истории, что забывала пить прописанные ей лекарства, но каким-то необъяснимым образом здоровье её улучшалось с каждым днём.

Прошло ещё какое-то время. Лиза собрала много сведений о святых, в том числе о Германе Аляскинском и отправила эти материалы в редакцию журнала. Ожидая ответа, Лиза решила немного отдохнуть и, наконец — то утешить свою душу-съездить к разрушенной церкви. Там,

когда-то, возвращаясь из больницы, она испытала очень сильные чувства... Ещё эта странная монашка и их обещания, данные друг другу. «А я ведь действительно выздоравливаю», — подумала Лиза. Она подошла к зеркалу и стала себя разглядывать. Всё та же худышка смотрела на неё, только глаза стали живые и румянец появился на щеках. «Может это иллюзия? Надо съездить в больницу, провериться», — Лиза вздохнула и стала собираться в дорогу.

Сегодня Лиза сама вела машину. Запах кожи, бензина в салоне, гул мотора — напомнили ей тот счастливый день... Всё, как тогда. Только нет на рулевом колесе дорогих ей рук... «Герман, милый Герман», — прошептала Лиза. В открытое окно ворвался ветер. Он ласкал её лицо, сбрасывал слезинки с её ресниц.

Путь вёл под гору через лиственничную рощу и луг. Лиза подъехала к церкви, вышла из машины и вдохнула этот особый аромат предгорий — острый запах сосновой смолы и дурманящий запах цветов и трав. Лиза присела на уже знакомое ей срубленное дерево и замерла, боясь нарушить звенящую тишину.

Сколько времени она там просидела и о чём думала-то неведомо никому. Но лицо её говорило-она возьмёт свою долю счастья у этой нелёгкой жизни.

Глава третья. Восстановление храма

Прошло четыре года после возвращения Лизы из больницы. Здоровье её восстановилось, лишь в душе, по — прежнему, жила тоска по Герману. Все эти годы Лиза вела переписку с многими людьми, разыскивая Германа. То, что тело Германа не обнаружили, давало надежду, и Лиза верила, что он жив.

Лиза часто вспоминала сказку, в которой влюблённая принцесса «сохла» от тоски по принцу. Маленькой девочкой она не могла понять, как это можно сохнуть от любви. Теперь Лиза это прекрасно понимала. Она так сильно тосковала по Герману, как будто не четыре года назад, а только вчера они расстались. Говорят, время лечит. Возможно, но только не Лизу. Её любовь к Герману, наоборот, становилась с годами ещё сильнее. От этого чувства ныло сердце и болела душа. Спасала работа всё в том же офисе, той же фирмы, где раньше работал и Герман. Эта фирма когда-то принадлежала отцу Лизы. Но после смерти родителей, Лиза продала её, оставив за собой право на рабочее место. Кроме работы в офисе Лиза увлеклась историей и как раз сейчас писала очередную книгу. Для того, чтобы информация, нужная ей, была более полной, Лиза собиралась

выехать в командировку. Перед отъездом она решила заехать посмотреть, как идёт реставрация церкви.

Стояла ранняя весна, как и в тот раз, когда она была здесь впервые. Лиза любила приезжать сюда. Здесь она чувствовала себя удивительно спокойно. Вот и сегодня, остановив машину подальше, чтобы не смущать рабочих, Лиза стала тихонько обходить церковь. Снаружи на стене обнажились какие-то фрески. Рабочие их заштукатурили, а сегодня штукатурка снова обвалилась, обнажив те же фрески. Лиза приставила к стене лестницу, решив посмотреть, что же так упорно не хочет скрываться под штукатуркой. Протерев фрески, Лиза увидела лицо святого. «Да это же преподобный Герман Аляскинский!» Лиза приказала рабочим ни в коем случае это снова не замазывать, а, наоборот, очистить фрески и красиво их обрамить.

Побыв ещё какое-то время возле церкви, Лиза поехала домой. Тёплый ветер ласкал ей лицо, ярко светило солнце, пели птицы. Лиза вспомнила тот счастливый день, когда вместе с Германом они ехали в машине, как остановились, как, счастливые, срывали полевые цветы. Как целовались... Она вспомнила, как прощаясь, Герман написал ей загадочное слово л.о.т.о.с. Теперь она знает, что это значит. На кольце, которое Лиза одела, потеряв Германа, выгравировано - л.о.т.о.с. — люблю

одного тебя очень сильно.

Часть третья

Глава первая. Герман

Герман очнулся от странного ощущения — болело всё тело, но в тоже время он как бы не чувствовал его. Как будто всё это происходит не с ним. Попытка вспомнить случившееся ввергла Германа в бессознательное состояние. Так продолжалось несколько раз, пока сознание его не зацепилось за этот мир. Герман не только увидел окружающие предметы, но и смог анализировать то, что видел: «Какая яркая скатерть на столе, а вот чья-то фотография на стене; кошка лежит на чистом деревянном полу. Ого! А это чьи глаза такие синие?» Глаза вдруг сузились, заискрились, и Герман услышал весёлый голос: «С возвращением тебя! Теперь это будет твой второй день рождения».

Обладательницей синих глаз оказалась девушка. Звали её Руфиной. Это она нашла в тайге израненного Германа. Несколько дней боролась она за жизнь этого симпатичного парня и теперь, когда он пришёл в себя, чувствовала себя необыкновенно счастливой. Целое лето Руфина выхаживала

Германа. Поила разными отварами, готовила специальные мази и смазывала ему раны.

Лишь к осени Герман стал подниматься на ноги и потихоньку выходить во двор на прогулку. Дом Руфины (она была егерем) стоял в глубине тайги. Красота осени покрывала деревья каждый день всё новыми красками. Эти краски, то приглушённо тихие, то яркие, вызывающие, совсем не подходящие для этого времени года, завораживали Германа. Он смотрел вокруг, широко распахнув глаза, как маленький ребёнок. Его познания жизни, его память оказались чистыми, как белый лист бумаги. Всё стёрла катастрофа. Кто он, где жил, кем работал? Он даже имени своего не помнил. Руфина нашла его под сосной, да так и стала называть - Пин, то есть, сосна.

Постепенно ушли боли, зажили все раны на теле. Лишь душа его болела. Она хранила в себе то, что прятал от него его разум. Иногда какой-нибудь запах или звук вдруг начинали Германа волновать. И казалось, что память его, как зёрнышко весной, вот-вот проклюнется. Но нет, уж больно глубоко оно посажено.

Руфина уходила на «большую землю» два раза в год. Так называли они районный центр. Там она покупала всё необходимое из продуктов, хозяйственных товаров, газеты и журналы. И теперь, как только землю подморозило и выпал

снег, Руфина собралась в дорогу. Герман тоже очень хотел ехать, но Руфина решила, что он ещё слаб для такого путешествия. Она обещала Герману узнать, всё, что касалось любых катастроф случившихся в их районе за последнее время. А также, не разыскивают ли его родственники или друзья.

Руфина сделала всё, что планировала. Купила всё необходимое для хозяйства и зимней охоты, а также продукты. Осталось лишь выполнить просьбу Германа, и она зашла на почту. Там всегда хранились подшивки местных газет. Руфина пересмотрела почти всю прессу за полгода, и наконец, нашла нужную ей информацию. В огромной статье с фотографиями пропавших, она увидела лицо Германа. Теперь Руфина знала о нём всё-имя, откуда он родом, сколько ему лет, где и кем он работал.

Всю дорогу домой девушка думала, как ей поступить. Она полюбила Германа и не хотела с ним расставаться. Руфина боялась, что Герман всё вспомнит, когда прочтёт статью, и уйдёт от неё. Всю дорогу домой она колебалась, и лишь у самого дома наконец приняла решение. Из газеты Руфина узнала, что семьи у Германа нет, разыскивать его некому, поэтому ничего она ему не скажет, и пусть всё остаётся, как есть.

Впервые в своей новой жизни Герман остался один. Он немного растерялся. Много месяцев находясь рядом с Руфиной, он и не предполагал даже, насколько привязался к ней. Бродя по дому и бесцельно перекладывая вещи с места на место, Герман размышлял о своём настоящем и будущем. О прошлом он уже устал думать. От прежней жизни у него ничего не осталось, только полуобгоревшая одежда да портмоне.

Герман в сотый раз открыл портмоне. Внутри лежало несколько денежных купюр и высохший цветок. Каждый раз, как только Герман брал этот цветок в руки, сердце его наполнялось чувством тепла и радости. И каждый раз ему казалось, что вот ещё миг - и он вспомнит себя. Но память не возвращалась.

Герман понимал, что ему нужно принимать решение. Он видел, что Руфина в него влюблена. Он тоже тепло к ней относился. Было бы неразумно, несправедливо и невеликодушно отвергнуть её чувство. Ведь она спасла ему жизнь. Руфина вела себя абсолютно честно с ним, а он... И Герман твёрдо решил: как только Руфина вернётся, он сделает ей предложение. Даже если она принесёт информацию для него - это не изменит его решения.

На следующий день Герман проснулся умиротворённый и спокойный. Он взял ружьё и вышел в тайгу поохотиться. Зимний лес выглядел очень торжественно. Глубокая тишина ещё сильнее подчёркивала эту торжественность. Нарушить выстрелом это совершенство природы Герман ни за что бы не решился: «Вряд ли я когда-ни будь смогу выстрелить вообще, а в животное-тем более».

И тут он услышал шорох, поднял голову и увидел рысь. Красивое, грациозное животное смотрело на него, притаившись в ветвях дерева. «Какая красивая, раньше я её здесь не видел», — подумал Герман. «Объявляю тебя хозяйкой тайги, — обратился он к рыси и тихо добавил, — а я отныне стану хозяином своей жизни».

Глава вторая. Беда

Около пяти лет прошло с тех пор. Герман сдержал своё слово. Он женился на Руфине, стал прекрасным охотником и почти всё время пропадал в тайге. Лишь когда родился сынишка, Герман стал чаще задерживаться дома. Лицо его преобразалось, он становился нежным и разговорчивым. Малыш слушал папины рассказы об охоте, о птицах и животных. Но больше всего мальчику нравилось слушать о «хозяйке тайги» — рыси, которая вот уже несколько лет живёт недалеко от их дома и